

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Реутовой Майи Анатольевны на тему: «Проблема памяти в русской литературной антиутопии XXI века», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Русская литературная антиутопия XXI века — тема малоизученная, но представляющая несомненный научный интерес. Актуальность работы определяется популярностью жанра в современной русской литературе, важностью жанра как формы моделирования будущего в сознании широкого читателя, а также как проявления форм национальной исторической памяти. В этом плане неудивительно, что сама тема диссертации выделяет в литературных антиутопиях XXI века проблему памяти. При этом именно такой ракурс изучения современной литературной антиутопии довольно нов.

В качестве материала исследования выбраны пять романов четырех разных авторов, вышедших на протяжении всей первой четверти текущего столетия (2000-2021). Такой выбор материала может расцениваться как репрезентативный и исчерпывающий.

Усомниться можно лишь в формулировке предмета исследования (с. 7): «различные проявления художественного времени», думается, сами по себе не определяют проблему памяти. Проблема памяти (и проблема исторической памяти) в литературном тексте, на наш взгляд, определяется значительно большим количеством факторов.

Первую главу диссертации можно назвать обзорно-теоретической, она посвящена истории жанра и теоретическому осмыслению его аспектов. Она ориентирована на отобранные диссертанткой тексты, поэтому ряд утопий/антиутопий XX века в общий список жанровых образцов не попадают. Подробно обсуждаются жанровые признаки и возможные типологии антиутопий — в целом же, к возможности создания типологии диссертантка относится скептически: «Некоторые исследователи предпринимали попытку создания классификации антиутопии, но из-за различных трактовок термина, постоянного развития молодого жанра, привнесения в него элементов других жанров, это оказалось практически недостижимой целью» (с. 33-34). Более всего автора диссертации интересует хронотоп антиутопий, понимаемый традиционно — по М.М. Бахтину, а также проблема памяти в литературе/литературоведении «в ее философском, психологическом и социологическом пониманиях» (с. 53), а именно: мысли героев о прошлом, создание и трансформация воспоминаний, способы реализации механики забвения.

Вторая и третья главы — практические, собственно-исследовательские.

Вторая глава «Формы художественного времени и памяти в русской антиутопии XXI века» начинается обзором времени и места действия пяти отобранных романов. Затем описан механизм потери / подмены памяти героем (героями) и социумом в каждом из текстов. В выводах по первым двум параграфам сюжеты произведений сопоставлены с попытками изменений исторической памяти, предпринятыми в разных странах в XX в. Кроме того, сюжеты анализируемых произведений сопоставлены между собой.

Получается, что сами механизмы подмены, описанные в текстах, весьма традиционны и напоминают один другой — за исключением романа В.О. Пелевина «Transhumanism Inc.», где, по сути, подмене подвергается абсолютно все: мир «богатых мозгов» давно умерших людей противопоставлен миру живых людей как реальное и нереальное.

Отдельным общим моментом, соединяющим все пять романов, становится синкретизм исторических эпох, среди которых лидирует «новое средневековье» (используется термин Н.А. Бердяева в несколько ином, чем у философа, значении). В условном будущем, нарисованном современными авторами, очень много прошлого. Во всех произведениях происходит деградация цивилизации, но признаки возврата назад по исторической оси разнятся. Это могут быть элементы первобытного общества (например, неумение добывать огонь; к слову, непонятно, почему фигурки, похожие на египетские ушебти, записаны диссертанткой именно в первобытность); средневековья (большой частью русского и деревенского, допетровского), Петровского времени и имперского периода, советской эпохи.

Кроме того, будущее характеризуется псевдореалиями, сочиненными авторами, и новыми языковыми реалиями, о значении которых читатель догадывается постепенно по ходу чтения. Игра с читателем — обязательное условие жанра, эта игра описана диссертанткой в разных разделах работы. Способы создания псевдореалий проанализированы в последнем параграфе второй главы. По мнению исследовательницы, авторы идут разными путями к формированию картины деградировавшего общества. Картина, отметим со своей стороны, не слишком разнится у разных авторов разных лет.

Полагаем, что в диссертации ярко показана принципиальная вторичность (по отношению к той картине будущего, которая создана, с одной стороны, классическими антиутопиями, с другой стороны, в современном западном кино) русской антиутопии XXI века. Незначительные отличия, тщательно отслеженные диссертанткой, не меняют единства общей картины. К выбранным ею репрезентативным текстам можно добавить целый ряд других — на наш взгляд, общая картина не изменится. Авторы первой четверти XXI века, экспериментируя с частностями и деталями, не в состоянии изменить общей картины, восходящей, с одной стороны, к архетипическому «Мы» Е.И. Замятина, с другой — к общеизвестным западным фильмам типа «Матрицы» или «Голодных игр», рассматриваемым в первой главе диссертации. Если в последней франшизе сделана отсылка к Древнему Риму, гладиаторским боям и гладиаторским восстаниям, то российские авторы предпочитают «родную древность». Это отличие исторического материала — первое ключевое отличие современной русской антиутопии от классических и западных образцов. Вторым и последним отличием видится нам тот факт, что как в «Мы», так и в западном кино центральной линией сюжета становится тема сопротивления и восстания. Русскому варианту антиутопии эта линия практически не интересна.

Третья глава диссертации «Мифологические, сказочные и фантастические элементы в русской антиутопии XXI века» рассматривает третью существенную особенность современного российского извода антиутопического жанра. Это внедрение в антиутопию элементов волшебной сказки (с. 107 диссертации), а также элементов «сологубовской» традиции русского символизма (прямая отсылка к которой звучит в романе «Щастье» и анализируется в диссертации: с. 68, 115) представляется сугубо российской литературной

особенностью, восходящей к традициям русского модернизма. В выводах к этой главе диссертантка справедливо замечает, что все фантастические образы — так или иначе, порождение человеческого сознания, которое и создает тот или иной «ад на Земле» (с. 129). Структурно мифологические и фантастические существа призваны усилить и материализовать те кошмары, которые создает человеческий мозг. Но нам кажется, что эта особенность антиутопии, помимо прочего, расширяет возможности жанра: позволяет использовать характерную для символизма матрицу двоемирия в прагматико-футурологическом контексте.

Таким образом, Майя Анатольевна Реутова подробно исследовала малоизученный материал современной русской литературы, сопоставив (практически слив в единый «текст» в структуралистском понимании термина) несколько различных романов разных авторов. Диссертация представляет несомненный интерес как описание единой традиции антиутопии в русской литературе последних 25 лет, а также скрупулезным анализом сюжетных и мотивных мелочей, различающих тексты этой традиции.

При этом, как нам кажется, при использовании типологического метода эта добротная научная работа стала бы еще интереснее. Хотелось бы предложить автору порассуждать во время защиты о типологии русской литературной антиутопии, противопоставив выявленную ею традицию каким-то иным — возможно, не столь распространенным. Например, в работе не упоминается антиутопия А.А. Зиновьева (1997) — вероятно, по причине выхода ее в последние годы XX века, — тоже ориентированная на замятинскую традицию, но реализующая целый ряд иных мотивов и сюжетов.

Хотелось бы также услышать мнение диссертантки о том, как поэтика каждого из четырех авторов влияет на картину будущего, созданного в его / ее антиутопии. Мы наблюдаем в диссертации профессиональную работу с текстами на мотивно-тематическом уровне, сравнительный анализ мотивов и тем, но иногда в работе не хватает характеристик индивидуальных поэтик исследуемых авторов, общего контекста творчества того или иного автора.

В случае, если диссертантка хотела бы продолжить работу над темой, можем посоветовать ей провести более подробный сравнительный анализ русской и западной традиций в развитии жанра современной антиутопии, а также использовать анализ текстов не только на уровне мотивов, но и на уровне литературных традиций, отсылки к которым создают дополнительные смыслы. Со своей стороны полагаем, что при моделировании будущего авторы романов используют не только блоковско-сологубовскую традицию, но и ряд иных — вплоть до русского исторического романа середины XX века («Петр Первый» А.Н. Толстого и др.).

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Реутовой Майи Анатольевны на тему: «Проблема памяти в русской литературной антиутопии XXI века» соответствует специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации;

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо

изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН

Пономарев Е.Р.

Дата: 10.10.2024

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИМЛИ РАН

Васильев М.Б.

